

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ подпольных организаций — одна из наиболее героических страниц в летописи всенародной партизанской борьбы в тылу фашистских войск. Но, к сожалению, она еще недостаточно освещена в нашей печати: большинство подпольщиков погибло в этой героической борьбе, а документов и свидетелей незримой войны осталось очень мало.

О деятельности одной из таких организаций, руководимой коммунистом Павлом Афанасьевичем Васькиным, и рассказывается в документальной повести Виктора Лукина «Подпольщики».

П. А. Васькин был инициативным и самоотверженным коммунистом. В июле 1941 года он принял активное участие в создании подпольной организации в Волотовском районе, а затем и в руководстве ею. В середине августа, к началу оккупации, районная организация объединяла 26 подпольщиков, из них 17 коммунистов и 9 беспартийных, а к февралю 1942 года ее ряды выросли вдвое.

Влиятельные подпольщики распространялись на поселок, железнодорожную станцию, основные сельсоветы Волотовского района. Васькин также создал подпольную группу и в Крутецком сельсовете Дновского района, налажив сбор разведывательных данных в городе Порхове и юго-западной части Старорусского района.

Значительно окрепшая Волотовская подпольная организация установила связь с командованием 2-й партизанской бригады, а через нее с Ленинградским обкомом партии. В последующем волотовские подпольщики были тесно связаны с этой бригадой и в первую очередь с комиссаром бригады, членом Ленинградского обкома ВКП(б) С. А. Орловым.

В повести нет ничего выдуманного. В ней рассказывается о действительных фактах, имевших место на новгородской земле в годы фашистской оккупации. Автору повести пришлось проделать большую кропотливую работу: разыскать участников или очевидцев событий, изучить сохранившиеся протоколы, донесения, письма и газеты, а также тщательно проштудировать архивные следственные дела тех, кто предал подпольщиков, участвовал в их пытках и расстреле.

Вот уже более трех десятилетий отделяет нас от героических и грозных лет Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Но никогда не забудутся подвиги тех, кто сделал все для победы, кто отстоял завоевания Великого Октября.

Г. БУМАГИН,
бывший секретарь Ленинградского
обкома ВКП(б).

1. Партийное поручение

ВДВЕРЬ кабинета первого секретаря Залучского райкома партии Ивана Ивановича Иванова негромко постучали.

— Да, войдите!..

Дверь отворилась. Вошел мужчина лет двадцати семи, выше среднего роста, с карими глазами на волевом лице. Это был бухгалтер районного финансового отдела Васькин. Поздоровавшись, он спросил: «Вы меня вызывали?»

Секретарь, взглянув на нахмуренное лицо собеседника, ответил вопрос на вопрос: «Вы чем-то недовольны, Павел Афанасьевич?»

— Подал два заявления, а на фронт почему-то не отправляют...

— Понятно. Но сейчас я пригласил вас не по этому вопросу, — секретарь внимательно посмотрел на Васькина, чуть подумав, добавил: — Завтра вы, Павел Афанасьевич, должны быть в Смольном на приеме у секретаря обкома партии Бумагина.

— Зачем?

— Там все объяснят. До Руссы подкинем на машине, а дальше — поездом. Желаю удачи.

...В Ленинграде, дождавись трамвая, идущего к площади Пролетарской диктатуры, Васькин сел в него и стал с тревожным любопытством разглядывать мелькавшие за окном здания, улицы и скверы.

Шли первые дни июля тысяча девятьсот сорок первого года. С фронта поступали тревожные вести. И Васькину, когда он выехал в Ленинград из района, казалось, что город, как и люди в эти дни, должен выглядеть совсем по-иному. Но, к его удивлению, в Ленинграде он увидел ту же картину, что и перед войной: на вокзале деловито суетились носильщики, по улицам спешили трамваи и автобусы, на улицах и в скверах было многолюдно.

И только по сосредоточенным лицам людей, их настороженности, да по толпам у сборных пунктов военкоматов можно было понять — война.

Трамвай остановился. Васькин, покинув вагон, направился к скверу, за которым виднелось здание Смольного. Вот он вышел на асфальтированную прямую аллею и направился по ней к центральному подъезду. Подошел к дежурному, назвал себя и причину приезда. Выслушав, куда ему нужно идти, направился к кабинету секретаря обкома. В приемной представился.

— Подождите. У Григория Харитоновича совещание.

...Из кабинета Бумагина стали выходить люди. Васькин поспешил в приемную. Секретарь, глазами показав на дверь, сказала: «Заходите».

Павел Афанасьевич вошел в кабинет. Григорий Харитонович, плотный, среднего роста, вышел навстречу, крепко, как старому знакомому, пожал руку. Окинув взглядом крепкую, ладную фигуру вошедшего, пригласил сесть.

— Я слышал, вы просились на фронт? — начал Бумагин.

— Да, я писал заявление, — ответил Васькин. — Мое место сейчас там...

— Ваше стремление, Павел Афанасьевич, понятно. — Бумагин встал и, пройдясь по кабинету, сел в кресло напротив Васькина. — Но у нас есть для вас другое поручение. Опасное и ответственное, — он чуть помолчал, посмотрев Васькину в глаза, продолжил: — В тылу врага создается подпольная организация. А вам предстоит ее возглавить...

— Я готов...

— Иного ответа мы от вас и не ждали. — Григорий Харитонович подошел к карте. Обвел кружком Волотовский район, тихо сказал:

— Это район действий вашей организации. Он вам знаком. Вас же в нем почти никто не знает, а это для подпольщика имеет немаловажное значение.

— Подобрать людей поможет райком партии, — продолжал Григорий Харитонович. — Помните, подполье должно быть боевым. Главное, умело вести политическую и агитационную работу среди населения, воодушевлять и поднимать людей на борьбу с оккупантами. Помогать партизанам, вести разведывательную работу, выявлять и уничтожать предателей. Впрочем, подробный инструктаж проведем чуть позднее, а сейчас решим следующее. Пока фашисты район еще не захватили, вам необходимо в нем прижиться. В одной из организаций имеется вакантная должность счетовода. Вам это подойдет?

— Конечно. Но я могу и сапожничать. Этим ремеслом когда-то увлекался, получалось неплохо...

— Договорились. А сейчас оставьте у меня партбилет. После инструктажа выезжайте на место. Не теряйте время...

— Хорошо. Спасибо.

— Прощайте.

— До свидания.

— Прощайте.

(Продолжение следует)

В. ЛУКИН
ПОДПОЛЬЩИКИ
ОТРЫВКИ ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ

(Продолжение. Начало в № 115).

...И хотя Васькину еще не удалось установить связь с районным партизанским отрядом, подполье под его руководством начало действовать. Уже в первые дни оккупации района подпольщики вручную размножили и распространили во многих деревнях воззвание руководителей обороны Ленинграда, в котором говорилось: «Дорогие товарищи!.. Организуйте партизанские группы и отряды, захватывайте оружие и боеприпасы у врага, беспощадно уничтожайте его днем и ночью из-за угла и в открытом бою...»

П. А. ВАСЬКИН

И местное население откликнулось на этот призыв. Молодые мужчины и парни, не успевшие эвакуироваться на восток, собирали на поле боя оружие, прятали его в надежных местах, объединялись в группы. Из этих патриотов и удалось подпольщикам создать два партизанских отряда — один в Славянском сельсовете, другой — в Старском, а также две боевые группы по 3—4 человека в каждой. Им ставилась задача уничтожать предателей.

С боевыми группами Васькину все было ясно, но с партизанскими отрядами у него возникла масса трудностей: партизаны были плохо вооружены, некоторые не имели даже винтовок, в каждой же деревне размещались фашистские войска, а в районе, особенно в центральной и северной его части, не было крупных лесных массивов, в которых можно было бы надежно укрыться от преследователей. Да и опыта ведения партизанской войны ни у кого не было. Расчет на то, что как только установится связь с руководством района, вновь созданные отряды вольются в районный партизанский отряд, имеющий оружие и свои базы в лесу, не оправдался. Чтобы сохранить людей до установления связи с районным или областным комитетом партии, Васькин дал команду партизанам на время припрятать имеющееся оружие, днем вместе с местным населением выходить в поле на уборку урожая и там же призывать односельчан убранный хлеб не сдавать фашистам, а делить по трудодням и сразу же надежно прятать. Выходы в поле и посещение соседних деревень использовать для сбора разведывательных данных о враге. Ночью же собираться группами, уничтожать фашистскую связь, поджигать склады, распространять листовки...

Лишь после того, как будет установлена связь с руководством 2-й партизанской бригады, Васькин узнает, что Волотовский истребительный батальон, из которого планировалось создать районный партизанский отряд, а вслед за ним и руководящие работники района, в день оккупации фашистами райцентра ушли не в лес, как было запланировано, а отступили на восток вместе с частями Красной Армии. Обком партии квалифицировал такое поведение руководителей как дезертирство и исключил из партии секретаря райкома и председателя райисполкома.

* * *

...Уже спускались вечерние сумерки, когда Васькин, обойдя деревню, огородами вошел в Должино. Подойдя к дому Василия Еремеева, трижды стукнул в раму, чуть погодя еще столько же. Открылась дверь, и в ней показался хозяин дома. Увидев перед собой Васькина, поздоровался и приветливо сказал: «Проходи».

Сели за стол. Закурили.

— Как живешь? Чем занимаешься? — спросил Павел Афанасьевич.

— На днях с Немковым в лес ходили, шестерых раненых красноармейцев подобрали, по сеновалам и чердакам спрятали. Лечим. Некоторые скоро поправятся.

— А кто этот Немков? Я где-то эту фамилию уже слышал.

— Это наш монтер. Надежный парень...

— Постой-постой,—остановил Еремеева Васькин. — Это не тот ли Немков, который перед оккупацией района в райвоенкомат ходил, требовал отправить его на фронт добровольцем?

— Да, он.

Васькину сразу же отчетливо вспомнилась случайная встреча с Немковым. В те дни фашисты уже подошли к Волотовскому району почти вплотную. А этот парень в числе других добровольцев осаждал двери военкомата.

В целях конспирации Васькин не посещал зданий ни райкома партии, ни райисполкома, а встречался с руководителями района в одной из комнат райвоенкомата. Здесь же он знакомился и с будущими подпольщиками. И вот в то время, в комнату ворвался Немков. Не поздоровавшись и не узнав, кем работает Васькин, он настойчиво и горячо стал доказывать, что его незаслуженно обидели и умолял замолвить за него слово военкому. Кое-как удалось тогда выпроводить его из комнаты.

— А ты можешь за него поручиться?

— Да! — твердо произнес Еремеев. — Это надежный парень. Кроме того, его старшая сестра Анна — член нашей группы.

— Хорошо. Устрой-ка мне с ним встречу.

— Здесь?

— Можно и здесь. А далеко он живет?

— Рядом. Я мигом...

Еремеев вышел во двор. Вскоре вернулся. Следом за ним в комнату вошел Немков. Перед Васькиным стоял парень лет двадцати пяти с широкими и сильными плечами, мощной борцовской шеей, на загорелом открытом лице его светились любопытством синие глаза. Все в нем было ясно, просто и открыто.

Павлу Афанасьевичу этот парень понравился еще при первой встрече, а сейчас, глядя на него, он почувствовал в нем что-то близкое.

Васькин подошел к Александру, приветливо улыбаясь, пожал руку и сказал:

— А ведь ты, наверное, обиделся, когда в военкомате тебе отказали в отправке на фронт?

— Было...

— А если я тебе сейчас дам опаснейшее поручение, очень ответственное, хватит ли у тебя смелости решиться на его выполнение?

— А какое? — быстро и с интересом спросил Немков.

— Нам нужен смелый, надежный и дисциплинированный подпольщик. Ну, так как? — спросил Васькин.

Лицо Немкова стало серьезным, брови сошлись у переносицы и он четко, как клятву, произнес:

— Умру, но никого не выдам!

— Мы тебе верим, — пожимая руку Александра, твердо произнес Васькин.

* * *

К дому Степаниды Демьяновой, что стоял почти в центре Должино, подошла девушка лет двадцати. Лицо ее было сосредоточенно и серьезно, в быстрых, пронизательных глазах чувствовалось беспокойство. Девушка осмотрелась, не заметив вокруг ничего подозрительного, вошла в калитку. Это была Татьяна Ефремова. Она пришла сюда по просьбе Немкова, чтобы перевязать раненого красноармейца, и очень волновалась: на курсах медсестер ей приходилось перевязывать лишь подруг, условно «раненых», а вот настоящих она еще и не видела.

Таня принадлежала к той группе юношей и девушек, которые немислили в трудный для Родины час оставаться где-то в стороне. Как только началась война, она сразу же пришла в райком комсомола и попросила рекомендовать ее, как комсомолку, добровольцем на фронт. Васькин познакомился с Татьяной незадолго до прихода в район фашистов. Эта серьезная и напористая девушка произвела на него хорошее впечатление. Без всякой рисовки, просто и естественно она сказала, что хочет воевать против гитлеровцев, согласна идти на фронт хоть бойцом, хоть медсестрой. В ней чувствовались уверенность в себе, смелость и решительность. Васькин решил привлечь ее для работы в подпольной организации. Она сразу же согласилась.

(Продолжение следует).

В. ЛУКИН ПОДПОЛЬЩИКИ ОТРЫВКИ ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ

(Продолжение. Начало в №№ 115 и 116).

...Таня вошла в сенцы. Здесь ее уже ждали хозяйка дома и Немков.

— Где больной? — тихо, но официально спросила девушка.

— На сеновале, — так же тихо ответил Немков и, подойдя к лестнице, первым полез по ней вверх. Следом поднялась Татьяна. Наверху огляделась. Кругом было полутемно. На полу, почти с метр толщиной, лежало душистое, свежее сено. У задней же стенки, под самым оконцем, разглядела на полушубке человека. Татьяна подошла к нему поближе. Перед ней лежал с закрытыми глазами красноармеец, лет двадцати двух. Его лицо было белое, исхудалое. Гимнастерка в нескольких местах порвана, ноги прикрыты байковым одеялом. Боец порывисто дышал, бледное лицо его время от времени кривилось от боли.

— Это Петр Фильков. Он контужен, его постоянно тошнит, — начал пояснять Немков. — Да и рана на ноге загноилась, а как лечить, я не знаю...

Девушка приподняла одеяло. Увидев неумело забинтованную белой материей правую ногу, спросила:

— Бинты, медикаменты есть?

— Есть. Вот йод, вот индивидуальные пакеты, а вот и порошок марганцовки, — показав на оконце, ответил Немков.

— Это и все?

— А чего же еще? Я весь медпункт перевернул, в нем хоть шаром покати...

Татьяна задумалась, затем осторожно начала развязывать на ноге узел бинта. Раненый, открыв глаза, вполголоса спросил: «Кто вы?».

— Медсестра, — так же тихо ответила девушка. — потерпите, сейчас перевяжу, станет легче...

А. НЕМКОВ

Когда разбинтовала ногу, ужаснулась: глубокая рваная рана, выше колена — вся в гное.

— Саша, — попросила девушка, — сходи-ка к Степаниде, попроси кипяченой воды, чистую литровую банку и полотенце.

— Это я сейчас, — охотно согласился Немков и, ухватившись руками за перекладину, ловко соскочил с сеновала в коридор. Вскоре он вернулся, неся чугунок с кипяченой водой, банку и полотенце. Татьяна, сделав в банке марганцевый раствор, с помощью Немкова осторожно промыла рану. Вскрыв индивидуальные пакеты, сделала марганцевую повязку, наложив ее на рану, начала бинтовать. Заметив, что на лбу красноармейца появились капли пота и что он от боли закусывает губу, сочувственно спросила:

— Очень больно?

— У-у-уже лучше, — заикаясь, ответил боец.

Перевязав раненого, Таня официальным тоном предупредила Немкова:

— Бинты не выкидывай. Будем стирать, кипятить, проглаживать утюгом и снова использовать и, повернувшись к Александру, спросила: «Чистое белье у тебя найдется или поискать?»...

— Найду. Я и сам хотел его переодеть, да забегался...

— Тогда пойдем к следующим... — предложила девушка.

— За остальных я не очень беспокоюсь, — ответил Немков.

— Они идут на поправку. А удобнее будет навестить сейчас раненого у Васильевых...

Встреча в Должино

В дом к Василию Еремееву первой пришла руководитель Городецкой подпольной группы Кознина, затем Васькин с Ивановым. Александр Иванович Иванов — руководитель Должинской группы, коммунист, местный житель, работал заведующим начальной школой в деревне Большие Гривы. В армию его не призвали: правый глаз был поврежден. Еще до оккупации района Васькин нашел с ним общий язык, в присутствии секретаря райкома предложил стать руководителем подпольной группы. Иванов согласился.

Окинув взглядом собравшихся, Павел Афанасьевич радостным голосом сообщил: «Товарищи! Только что получено сообщение. Фашистская оборона под Старой Руссой прорвана нашими войсками!.. Красная Армия развивает наступление!..»

Собравшиеся дружно встали и радостно аплодировали.

— Нам необходимо активизировать борьбу, — продолжал Васькин. — А для этого требуется всем подпольщикам усилить разведывательную деятельность. Сейчас, как никогда раньше, Красная Армия нуждается в сведениях о строящихся фашистами оборонительных рубежах на территории нашего района, о расположении их гарнизонов и передвижении войск... Нам же необходимо организовать уничтожение фашистской связи, а также вооружиться, чтобы, когда Красная Армия подойдет вплотную к району, выступить против гитлеровцев и не дать предателям и изменникам Родины уйти от справедливого суда...

На совещании подпольщики также решили регулярно информировать население о положении на фронтах и в советском тылу, для этого наладить размножение сводок Совинформбюро и распространение их по всем населенным пунктам района.

В конце совещания Васькин подошел к Иванову и спросил: «Как Немков?»

— Я им доволен.

— Вот и хорошо. Надеюсь, завтра ночью фашисты уже не смогут пользоваться линией связи, идущей через ваш сельсовет?

— Конечно, — утвердительно ответил Иванов.

В это время к Васькину подошла Кознина — родная сестра Иванова. Надежда Ивановна среднего роста, красивая и приятная женщина, лет двадцати восьми, со спокойным уравновешенным характером. До войны она работала учительницей в Городецкой неполной средней школе. Жила с четырехлетней дочерью в деревне Подостровье. Ее муж — Михаил, тоже учитель по профессии, в первые же дни войны ушел на фронт. Командовал гаубичной батареей. Лишь один фронтовой треугольничек получила от него жена, а затем связь оборвалась: в район пришли фашисты.

Васькин обратился к ней:

— Надежда Ивановна, в Волоте и Фно фашисты устроили лагеря военнопленных. Какие связи ваша группа имеет с ними?

— А зачем устанавливать связь, Павел Афанасьевич? — искренне удивилась Кознина. — Они же сдались...

— Отчасти вы правы, но надо иметь в виду, что среди пленных много и таких, которые готовы бежать из лагеря и с оружием в руках искупить свою вину. А вот как это сделать и куда бежать, они не знают. Да и что-то их удерживает от этого шага. Нужно все это выяснить, разобраться и наиболее преданных нам направлять в лес к партизанам. Для этой цели у меня имеются листовки-обращения к пленным красноармейцам. Их нужно распространять среди них. Это дело поручаем вам. И Васькин, достав из кармана пачку листовок, протянул их Надежде Ивановне.

— Я о пленных как-то еще не думала, — беря листовки, неуверенно проговорила Кознина, — даже не знаю, с чего начинать?

— Сейчас многие женщины ходят к этим лагерям, а также к месту работы военнопленных на Волотовский вокзал, — стал рассказывать Павел Афанасьевич. — Они интересуются — нет ли среди них мужей, родственников или знакомых. Вы к ним и присоединитесь. Ваш муж на фронте. Так ведь?

— Да, но, я уверена, — Михаил не сдается, и его искать в лагерях бесполезно, — твердо ответила Надежда Ивановна.

— Это хорошо, что вы уверены. Но для дела придется прикрыться этой версией. Вы меня поняли?

Кознина утвердительно кивнула головой.

(Продолжение следует).

(Продолжение. Начало в №№ 115, 116, 118).

...На другой день Надежда Ивановна с утра уже была на станции Волот. Здесь, приехавшие к группе других женщины, пошла с ними к месту работы военнопленных. Несколько охранников с автоматами на груди стояли поодаль, на женщин внимания не обращали: по-видимому, привыкли, что они ежедневно приходят сюда.

Вот, загрузив платформу, пленные получили минуту отдыха; некоторые, наиболее слабые, тут же, на шпалах, улеглись на спину и, закрыв глаза, отдыхали, другие направились к женщинам: надеялись разжиться у них чем-нибудь съестным.

Увидев подходивших, Надежда Ивановна неестественно громко выкрикнула:

— Кознина Михаила из деревни Городец нет в вашем лагере?

Никто ей не ответил. Только один высокий блондин лет двадцати четырех подошел и глухо сказал:

— Моли бога, хозяйка, что твоего нет среди нас... Ему, может, повезло и он еще воюет... А мы, видишь сама, — и он, показав ей свои избитые в кровь руки, с горечью проговорил: — Будь проклят тот день, когда я поднял их над головой.

В его голосе, в мимике лица Надежда Ивановна почувствовала такую горечь, боль и раскаяние, что сразу поняла — это один из тех, кого ей поручено найти.

— А что же ты не уйдешь в лес? Ведь охрана-то пустяковая, — тихо спросила она у него.

— А куда нам идти-то? — уже зло ответил блондин, и его лицо при этом исказилось, как от зубной боли, — здесь заживо сгниешь, а к своим придешь — расстреля не миновать...

— Кто тебе это наговорил? — еще тише спросила Кознина.

— Недавно нам командант лагеря приказ Сталина зачитал, в нем говорится, что все сдавшиеся в плен красноармейцы и офицеры считаются предателями Родины и подлежат расстрелу. Он же сообщил, что четверо наших, сбывшихся в лес, расстреляны партизанами согласно этого приказа...

— Это все вранье, что ты сейчас мне рассказал, — вско, спокойно ответила Надежда Ивановна.

— А откуда вам известна правда? — недоверчиво спросил блондин.

— Я вчера сама читала листовку, сброшенную с нашего самолета, в ней призывают всех красноармейцев и офицеров, попавших в плен, бежать из лагерей в лес к партизанам.

— Не верю, — с надеждой в голосе прошептал солдат. —

Вот если бы мне дали эту листовку самому прочесть...

— Я схожу сегодня же в поле, постараюсь собрать их, а завтра прилечу.

— Вот спасибо! Буду ждать, — оживившись, с радостью заблестевшими глазами, заверил парень. — Вы даже не догадываетесь, как это важно для меня!..

— А ты пока присмотришься к другим. Может, такие же, как ты, еще найдутся. Но будь осторожен. Завтра, если я найду листовки, вложу их между горбушками хлеба, так что ты их сразу не ешь и не жмай.

...До Волота доносился гул приближающегося боя, в его отзвуки с надеждой вслушивались жители оккупированных сел. Но фашистам все же удалось остановить наступление наших частей под Старой Руссой. Волотовский же район находился в руках гитлеровцев еще два долгих года.

В партизанской бригаде

Первого августа сорок первого года до сотни вооруженных партизан созданной Второй партизанской бригады продвигались от Старой Руссы к деревне Вязовке в Полістовские леса и Рдейские болота Белебелковского района — месту их будущих действий. Их вели комбриг Николай Григорьевич Васильев — кадровый политаботник и комиссар Сергей Алексеевич Орлов — секретарь Порховского райкома партии, член Ленинградского обкома ВКП(б).

Как только прибыли в назначенное место, сразу же установили контакты с действующими в окрестных лесах партизанскими отрядами. После того, как в бригаду вошли отряды, базировавшиеся в Серболовских, Рдейских и Полістовских лесах, она выросла до 600 человек. В сентябре бригада пополнилась за счет выходивших из окружения бойцов и командиров Красной Армии, и численность ее состава достигла почти тысячи человек.

Взяв командование над присоединившимися отрядами, Васильев и Орлов каждому из них определили сектор деятельности. С Волотовским подпольем штаб бригады сразу же установил тесную связь. Орлов лично встречался с Васильевым, помогал ему советами, ставил задачи.

Вот и в тот вечер, когда Васильев прибыл к партизанам для встречи с Орловым, его провели в бригадную землянку. Вырыта она была в словом лесу. Крышей служил бревенчатый

двойной накат, замаскированный сверху мхом. Внутри, в самом ее центре виднелась железная печка, на которой пофыривал металлический чайник. Вдоль бревенчатых стен стояли грубые, вытесанные из плаха, скамейки, у окна — большой стол с разложенными на нем картами, чернильницей и керосиновой лампой. На балке, поддерживающей по центру потолок, на гвоздях висели автоматы. Прошло несколько минут. В землянку вошли двое. Одного Васильев хорошо знал — пониже ростом и с зачесанными назад волосами, подвижный и энергичный — Орлов, а второго видел впервые. Был он выше Орлова, строен, по-военному подтянут, с красивым лицом и открытым лбом.

Здороваясь, он представился: — «Васильев». Васильев понял — это командир бригады.

— Все трое сели к столу.

— Как идут дела? — спросил Орлов.

— Продолжаем устанавливать связи с оставшимися в районе коммунистами, комсомольцами и другими советскими патриотами.

— А они что, о себе дают знать? — спросил Орлов.

— Да, — ответил Васильев. — В Окрове, например, кто-то распространяет листовки, а в деревне Вязовка убили немецкого холуя — старосту Уварова. Там же сожжен немецкий склад с зерном. Я послал в эти деревни надежных товарищей для установления контактов с этими людьми.

— Правильно сделали! — поддержал Орлов, — и нужно разыскивать их раньше, чем нащупают гитлеровцы. Нам стало известно, что фашисты усиленно насаждают свою агентуру во всех населенных пунктах. Это очень опасно.

— Мы также решилиступить к уничтожению предателей, — продолжал рассказывать Васильев. — Одного мы уже наметили — это некий Гусек, бывший заведующий магазином в Больших Гривах. Он выдал карателям пришедшего в деревню за солью партизана. Наш человек сблизился с этим предателем. Угостил самогоном. Напившись, Гусек проговорился, что действует по заданию гестапо.

— Решение правильное, но не делайте этого своими силами, — предостерегающе заметил Васильев. — Если вы будете вести пропагандистскую и агитационную работу, собирать сведения о враге, да еще и уничтожать предателей — фашисты быстро вас нащупают. Вы наши глаза и уши в тылу у гитлеровцев, и мы очень дорожим каждым из вас. Давайте лучше договоримся так, если потребуется кого-либо из предателей убить, сообщите нам. Мы вышлем на время группу в твое распоряжение. Пусть она и свершает правый суд. Договорились?

— Как вы советуете, конечно, для нас было бы удобней, — согласился Васильев. — Только что же будут делать наши партизаны?

— А у вас они имеются? — с интересом спросил Васильев.

— Да. Мы создали два отряда и две группы. Группы мы думали использовать для уничтожения предателей...

Васильев с Орловым переглянулись.

— А где сейчас эти люди? — спросил Васильев.

(Продолжение следует).

Н. Г. ВАСИЛЬЕВ

В ЛУКИН ПОДПОЛЬЩИКИ

ОТРЫВКИ ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ

(Продолжение. Начало в №№ 115, 116, 118, 119).

— Днем, как и все население, работают в поле, ночью же уничтожают связь, распространяют листовки, собирают разведывательные данные. Нападать же на воинские части нам еще не приходилось: в районе мало лесов, а в деревнях — крупные немецкие гарнизоны. Хотелось бы посоветоваться с вами.

— Среди ваших партизан есть и подпольщики? — спросил Орлов.

— Да.

— Есть указание все мелкие партизанские отряды и группы объединить под командованием нашей бригады. Поэтому предлагаю — нужных людей для подполья из этих отрядов и групп оставьте у себя, а остальных направляйте к нам.

Подумав, Васькин сказал: «Согласен».

— Ну, а что в районе говорят о партизанах? — поинтересовался Васильев.

Васькин, поглядев на спросившего, неторопливо ответил: — Гитлеровцы внушают населению, что в лесу скрываются бандиты, которых они скоро уничтожат. А народ им не верит. Ведь в каждом селе кто-либо да партизанит.

— Насчет их бахвальства, что они нас скоро уничтожат, это мы еще посмотрим, — усмехаясь, произнес Васильев. В его словах чувствовалась уверенность волевого человека, знающего цену своему слову. — Первые успехи у нас уже имеются: бригада выросла численно в несколько раз, отвоевываем не только отдельные деревни, но и сельсоветы. Местное население поддерживает нас. Верно, и трудностей у нас немало. Не хватает оружия и боеприпасов, разведка еще «хромает». Мы надеемся, что вы будете поставлять нам сведения не только по Волоотовскому району, но и по соседним с вами сельсоветам Дновского и Старорусского районов. Нужно сделать так, чтобы мы о фашистах здесь знали все.

Подумав, Васькин пообещал:

— Постараемся. Связи у нас там имеются...

— Ну вот и отлично, — оживленно подвел итог разговора Орлов. — Просьбы к нам есть?

— Да. Нужно отправить докладную секретарю обкома Бумагину, — и Васькин протянул Орлову несколько листов, исписанных убористым почерком. В докладной сообщалось: «...Немцы появились в районе 26, а захватили райцентр 28 июля. Сразу же начали грабить население. Забирали кур, гусей, свиней и телят, а в деревнях, где они стояли продолжительное время, отбирали коров и хлеб...»

В. В. ВАСИЛЬЕВ

По моему заданию Должинская группа (руководитель Иванов) уничтожила немецкую телефонную линию от деревни Славитино до деревни Дубовец (почти на 15 километрах).

...Вместе с Савельевым из группы Старо ходили в разведку вплоть до Волота, где обнаружили немецкий штаб дивизии. Эти сведения помогли нашей авиации разбомбить штаб...

На 13 августа в организации имеется 7 подпольных групп. В них — 26 человек. 17 — коммунистов и 9 — беспартийных. Работу по привлечению советских патриотов в подпольную организацию продолжаем.

С товарищеским приветом ВАСЬКИН».

Окроевские патриоты

Васькин шел знакомой тропой к деревне Верхново. Изредка останавливался, вслушивался в тишину. Перед деревней свернул к стоящему посреди кустарника березовому острову. В нем у него была назначена встреча с Тиховым.

Михаил Тимофеевич пришел в условленное место заранее. Разглядев через кусты приближающегося к нему Васькина, приветливо улыбнулся и негромко сказал: «Здравствуйте!»

Васькин, пожав ему руку, спросил: «В Окроево были?»

— Да. Листовки там распространяет секретарь сельсовета Васильев. Он мой товарищ. Готовятся уйти в лес и начать партизанить. Васильев предлагал и мне присоединиться к ним. Я обещал подумать...

— Если мы Васильева привлечем к подпольной работе — ошибки не получатся?

— Нет. Я за него ручаюсь.

— Хорошо. Познакомь меня с ним, и желательно побыстрее.

— Может сейчас пойдем? — спросил Михаил Тимофеевич.

— Через лес километров пятнадцать. К обеду придем.

— Добро.

Михаил Тимофеевич повел Васькина заросшими травой и кустами тропками, проложенными через перелески и болота в сторону Окроево. К обеду, как и обещал Тихов, усталые и вспотевшие от ходьбы по болоту, они подошли к нужной им деревне. Ничего подозрительного не заметив, уверенно пошли к дому Васильева. У порога их встретил мужчина среднего роста, в темно-синей рубашке и черных брюках, заправленных в сапоги.

Проводив гостей в комнату, хозяин плотно закрыл дверь и негромко спросил: «Чем обязан?»

— Сперва познакомьтесь, — предложил Михаил Тимофеевич и, указав на Васькина, сказал. — Это руководитель подпольной партийной организации нашего района Павел Афанасьевич Васькин, а это, — он повернулся к хозяину дома, — секретарь Селецкого сельсовета — Василий Васильевич Васильев.

Васькин, крепко пожав Васильеву руку, спросил:

— Василий Васильевич, как получилось, что вы оказались здесь? Мы считали, что вы эвакуировались.

— Чисто случайно. Когда гитлеровцы подошли к району, я погрузил имущество сельсовета на подводу и стал пробираться на восток. Но под Руссой меня опередили фашистские танки — пришлось вернуться.

— Вы коммунист?

— Да.

— Кто еще из коммунистов остался в сельсовете?

— Алексеев и Михайлов.

— Связь с ними имеет?

— Да, мы встречаемся.

— Чем сейчас занимаетесь?

— Создали группу из семи человек. Ребята все надежные. Собираем оружие. В лесу, в глухом месте, вырыли землянку. Ждем, когда наши перейдут в наступление, тогда приступим к активным действиям, а сейчас распространяем листовки...

— Ну что ж, действуете вы правильно, — похвалил Васькин. — Но за оружие будем братья вместе, по нашей команде. А пока собирайте сведения о расположении немецких войск, их передвижении, складах, аэродромах, о предателях, где они живут и чем занимаются. Листовки же будете продолжать распространять, но уже не свои, а наши. Получать их будете у Михаила Тимофеевича...

— Вот как неожиданно все повернулось, — улыбаясь, произнес Васильев, — еще вчера вечером мы думали, что действуем в одиночку, спорили меж собой — идти ли в дальние леса искать партизан или здесь дожидаться наступления наших.

Посидели. Перекурили. Обращаясь к Васькину, Василий Васильевич спросил:

— В нашем сельсовете появились два предателя, мы решили их прихлопнуть. Вы не против?

— А кто они?

— Один — это полицай Трифон Минин из деревни Точнов. Он всю жизнь воровал, за что из тюрьмы почти не выходил. Его отец был раскулачен, так этот Трифон из кожи вон лезет, чтоб угодить немцам. Он вместе со старостой из села Заречье — Гараниным — разоблачили двух партизанских разведчиков, пришедших из Дедовичского района. Выдав их, они еще и издевались над ними, а затем принимали участие в их казни.

(Продолжение следует).

В. ЛУКИН ПОДПОЛЬЩИКИ

ОТРЫВКИ ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ

(Продолжение. Начало в №№ 115, 116, 118, 119, 121).

— Правильно вы решили, — похвалил Васькин, — но без моей команды эту сволочь не трогайте, — увидев недоуменный взгляд Васильева, пояснил, — от возмездия они не уйдут. Вам же их уничтожить нельзя: фашисты не дураки, они быстро на ваш след нападут, а мы поручим это дело другим людям, которые здесь не живут. Вы меня поняли?

— Да.

— Вы же постарайтесь сделать так, чтобы мы все знали, что творится в Кривицах. Что там за части окапываются, почему в эту деревню никого не пускают. Что там за люди появляются.

...Прошло несколько суток. В Волотовский район из партизанского края Васькин вернулся с партизанами — Петровым, Васильевым и Федоровым.

К дому Гаранина партизаны подошли уже в потемках. К двери направились Васькин, Васильев, а Петров с Федоровым обошли дом с другой стороны.

Васькин громко, настойчиво постучал в дверь кулаком. Через некоторое время из глубины дома послышался хриплый голос: «Кто?»

— Полиция. Открывай!

— Чего надо-то?

— От Молоткова, бумагу привез.

— Сунь под дверь, я сейчас.

Васькин с Васильевым переглянулись. Они поняли, что Гаранин в дом впускать их не собирается. В это время чуть правее и выше их голов приоткрылось окно. В нем на миг показалось заросшее щетиной лицо. Окно сразу же с шумом захлопнулось.

Поняв, что ждать дальше бесполезно, партизаны дружно, резко навалились на дверь. Что-то за нею хрустнуло, и она с шумом распахнулась. И сразу же в доме прогремели один за одним два выстрела. Васильев охнул, схватился рукой за плечо.

Н. КОЗНИНА.

Прогремели ответные выстрелы.

Видя, что операция по уничтожению предателя затягивается, Васькин чиркнул спичку и поджег солому в сарае и на чердаке. Огонь быстро охватил крышу. Кругом стало светло, как днем.

В это время оконная рама с треском вылетела на улицу. Вслед за ней кубарем с винтовкой в руке выскочил Гаранин. Он кинулся бежать по грядкам к стоящим на задах сараям.

— Стой! — окрикнул его Васькин. Но староста продолжал бежать, стреляя на ходу по сторонам.

Павел Афанасьевич, вскинув автомат, дал короткую очередь. Гаранин выронил из рук винтовку и, как бы споткнувшись, упал в снег. Подбежавший Федоров схватил его за шиворот и поволок к дороге. Здесь прислонил труп спиной к телефонному столбу. На грудь приколот булавкой заранее подготовленную записку: «За предательство советских патриотов именем Советской власти партизанский трибунал приговорил старосту Гаранина к смертной казни. Приговор приведен в исполнение».

...Фашисты встревожились. Они понимали, что неотразимые удары партизан, точные налеты авиации на Волот, где были разбомблены штаб дивизии, склад с боеприпасами и казармы с солдатами, появление советских листовок почти в каждом населенном пункте, расстрелы у них под носом наиболее верных им старост — все это результат деятельности хорошо законспирированной подпольной организации. Да и в тихих, внешне покорных деревнях немало было активных сторонников партизан. Кто именно их снабжает продуктами и сведениями — узнать не могли. И тогда дали приказ начальнику полиции Молоткову и старостам деревень установить тщательное наблюдение за всеми подозрительными людьми в районе.

...Узнав, что Молотков упорно его разыскивает, Васькин перестал посещать квартиру в Славитине, а переехал на жительство на хутор Савкино, что располагался километрах в пяти от Должино и совсем рядом с деревней Большие Гривы. Эта деревушка была окружена болотами и лесами. Единственная дорога, идущая мимо нее через моховое болото, была не проезжей для машин, да и подводы проезжали по ней не в любое время года, а лишь зимой или в большую засуху.

Кроме того, она хорошо просматривалась из деревни в оба конца на несколько километров. Появись на ней фашисты или полицейские, можно увидеть издали и заранее скрыться в лесу. Ночевал же у себя Васькин очень редко. Он почти всегда находился в пути. Внезапно появлялся то в одной группе подпольщиков, то в другой. Иногда назначал свидания связным в лесу, на озере или в деревне и всегда приходил на встречу в указанный срок.

...Деревня Папоротно. В крайней избе за столом Павел Афанасьевич что-то старательно писал на листе бумаги. В прихожей пожилой партизан спокойно, деловито объяснял двум молодым, как надо обращаться с противотанковой гранатой.

В это время в комнату вошел комиссар бригады Орлов. Поздоровались.

— А я уже хотел за тобой связного послать.

— В чем дело? — насторожился Васькин.

— Мы готовимся нанести ряд ударов по фашистам, — доверительно сообщил Орлов. — Нужны дополнительные сведения по Дновскому и Порховскому районам. И доставлены они должны быть сверхоперативно, понимаешь, какое дело?

(Окончание следует).

(Окончание. Начало в №№ 115, 116, 118, 119, 121, 123).

Орлов, подсев к Васькину рядом, убедительно стал говорить:

— Мы тут посоветовались и считаем, что раз сейчас за тобой в Вологовском районе упорно охотится полиция, тебе на время лучше бы перебраться в северо-восточную часть Дедовичского: наше влияние здесь достаточно сильно, рядом базируется партизанский отряд, тебя там никто не знает и не ищет. В то же время Вологовский район рядом. Подпольными группами руководил бы пока через связных, при крайней необходимости мог бы выезжать туда и сам.

— Да, с этой точки зрения вы правы, — раздумывая, ответил Васькин, — но оперативности в руководстве у меня будет мало...

— Пойми, — продолжал Орлов, — сейчас фашисты пытаются организовать охоту не только на тебя, но и на всех руководителей подполья и партизан. Поэтому нужно быть поосторожней. Ты Ивана Васильевича Курсакова знал?

— Нет. А кто это?

— Секретарь Порховского райкома партии, был оставлен для руководства подпольной организацией. В декабре фашисты схватили Курсакова и казнили.

— А как организация?

— Надеемся, что сохранилась. Но нужно время для проверки звеньев и установления связи. А сведения по Порховскому и Дновскому районам нужны именно сейчас, точные и самые свежие. Поэтому я прошу уделять этим районам побольше внимания.

— Да, но я Порхов не знаю и в нем ни разу не бывал, — неуверенно проговорил Васькин.

— Ты как-то говорил, что в организации есть люди из этого района. Кто они? Назови.

Васькин всех подпольщиков знал не только в лицо, но и подробную биографию каждого, его положительные стороны и недостатки, поэтому деловито стал перечислять:

— Первая — это Татьяна Ефремова, комсомолка, до прихода немцев работала учительницей в Березовской начальной школе Порховского района. Вторая — это Нина Павловна Васильева, уроженка деревни Городок Порховского района. У нее там и сейчас живут родственники...

— Вот и хорошо, — оживился Орлов, — да я тебе дам пару адресов верных людей в Порхове. Они помогут.

— Ну что ж, раз надо, будем выполнять, — твердо проговорил Васькин, — вот пронесуруктуру руководителей групп и поезду в деревню Остров Дедовичского района.

— Хорошо, договорились, — подвел итог разговору Орлов.

ГОРОДЕЦКИЕ ПОДПОЛЬЩИКИ

Васькин в деревню Подострье пришел в полдень. Улица была пустынной. Разглядев дом Козниной, подошел к двери, постучался. Хозяйка, открыв дверь, приветливо улыбнувшись, пригласила в дом:

— Заходите, пришли как раз к обеду.

— Не откажусь, — весело ответил Павел Афанасьевич и, сняв полушубок и шапку, потирая озябшие руки, сел к столу. Поев и поблагодарив хозяйку за обед, Васькин встал из-за стола и торжественно сказал:

— Мне поручено передать вашей группе благодарность от партизан за хорошо сшитые халаты. Поздравляю!

— Это Заниной надо сообщить, а не мне, — скромно ответила Кознина. — Она одна почти всю работу выполнила.

Халаты для партизан шили подпольщики в разных деревнях: в Городцах — Анна Кузьминична Занина, в Дергале — Елена Александровна Калинина, в Никулине — Анна Семеновна Одинова.

— Конечно, при встрече сообщу лично, — согласился Васькин и сразу же спросил:

— А как дела в группе?

— Да вроде пока нормально, — ответила Надежда Ивановна и стала рассказывать о делах группы за последнее время. Слушая ее отчет, можно было подумать, что разговор идет о каком-нибудь обычном общественном поручении, а не о сборе разведывательных данных, распространении листовок и о многом другом, за что фашисты, если только узнают, расстреляют без суда и следствия.

— Во Взглядах, — неторопливо рассказывала она, — расположилась танковая часть. Все машины, а их около тридцати, тщательно замаскированы. Но два танка стоят открыто около дома в центре деревни. По-видимому, в нем — штаб этой части. К этому дому близко никого из мирных жителей не подпускают. Ни во Взглядах, ни в Волоте сейчас зенитных батарей нет. Побывали мы с Анной Кузьминичной и в Шимском районе. Там воинские части расположились в деревнях — Подгощи, Ручьи, Солоницк, ТЭЦ... За последнее время мы замечаем усиление движения воинских частей из Старой Руссы в сторону Шимска. Двигаются они через Волот и наши деревни...

— Надежда Ивановна, а что нового в лагерях военнопленных?

— С обоими лагерями имеем связь. Все 200 листовок, что вы мне дали, распространили среди военнопленных, — про-

должала рассказывать Кознина. — В Вологовском находится около тысячи человек, а в Рновском — двести. В ужасных условиях они живут. Солдаты и командиры размещены в холодных, неотапливаемых сараях и полуразрушенных зданиях, обнесенных колючей проволокой. Кормят в день два раза. Утром дают 200 граммов хлеба и воды, а в обед — баланду из неочищенного и плохо вымытого картофеля. Люди истощены. Больных и наиболее истощенных, а также тех, кто делает попытки к сопротивлению, — расстреливают. Известен случай, когда немецкий офицер Вилли — комендант лагеря во Фно дал команду выкинуть на снег четырех больных красноармейцев. Все они замерзли. В этот же день были расстреляны двое военнопленных, осмелившихся заступиться за этих больных...

— Эти факты мне известны, — остановил Кознину Васькин, — вы лучше расскажите, с кем в лагерях поддерживаете связь?

— Вы знаете, что военнопленных гоняют каждый день на железнодорожную станцию разгружать и загружать вагоны. Здесь я, толкаясь среди других женщин, и познакомилась с двумя из них. Один назвался сержантом Сидоровым, а второй рядовым Ивановым. На следующей встрече Иванов мне признался, что под этой фамилией он лишь числится в лагере, на самом же деле он — лейтенант Красной Армии Баранов. У меня о нем сложилось мнение как об умном, волевом и решительном человеке. Через них мы и распространяли листовки среди военнопленных. На последней встрече Сидоров предупредил, что подготовил группу в пять человек для побега из лагеря. Просил подсказать, куда лучше бежать, чтобы попасть быстрее к партизанам. Я дала ему адрес, по которому вы советовали их направлять, а Баранов еще готовил свою группу, заверял, что она тоже скоро будет готова к побегу.

— Сидоров — высокий блондин, на щеке шрам? — уточнил Васькин.

— Да.

— Хочу вас обрадовать, — оживившись, произнес Васькин. — Сидоров с товарищами уже в партизанском отряде. И неплохо воюют. Надо сообщить военнопленным, что их бывшие товарищи уже участвовали в бою, и Сидоров за храбрость и умелые действия получил благодарность от командира отряда. Пусть остальные подумают...

***

Принструктиввав руководителей подпольных групп, Павел Афанасьевич переехал в деревню Остров Дедовичского района. Забот у него заметно прибавилось: нужно было руководить не только вологовским подпольем, но и создавать новые подпольные ячейки в городе Порхов и Дновском районе. И Васькин сразу же деликом отдался выполнению поставленной перед ним задачи.